Безумие Фрейда и Лакана

Просторы предлагают вашему вниманию текст лекции психоаналитика Марии Есипчук. Этот текст удачно вписывается в тематическое поле первого этапа работы нашего ресурса, где *безумие* не просто тема номера или ряда статей, а структурный момент – состояние, которое сложно определить или локализировать. Наверное, именно поэтому мы за последние месяцы часто возвращались к более древнему понятию *одержимости*, отсылающему к языческому контексту. Одержимость – это не атрибут субъекта, а скорее его временное проявление, спровоцированное извне. Это блуждающий дух, вселившийся временно в тело, и в то же время никогда его не покидавший.

Этой парадоксальной структуре сосуществования в едином и множественном числе – в себе и вне себя – Зигмунд Фрейд, как известно, посвятил целую науку. Мария Есипчук, психоаналитик, практикующий в Москве, не просто рассказывает отдельные эпизоды из истории психоанализа, а делает их живыми и наглядными. «Язык» – одна из центральных концепций Жака Лакана, продолжившего рискованный проект Фрейда во второй половине XX века, – оборачивается тут не чем-то абстрактным и недоступным, а своеобразным вызовом, брошенным читателю в самих фрагментах текста. Оригинальный ход Есипчук может читаться как вызов самой науке, возвращающей ей долю безумия, в которой заключен эксперимент – шаг в неизвестное.

Мария Есипчук изучала лакановский психоанализ в университете Париж-8 Школы Фрейдова Дела (École de la cause Freudienne) и продолжает обучение в картелях и в кабинетах России и Франции. Текст впервые был прочитан во время семинара для художников, посвященного теме безумия, из курса «Дюжина заданий» Г. Напреенко и А. Рябовой в институте База в

Москве 1 апреля 2017 года.

Предисловие Елены Вогман

Безумие Фрейда и Лакана

Друзья предложили мне поучаствовать в вашем семинаре про безумие. Кажется, они подумали, что я что-то об этом знаю, ведь я психоаналитик, возможно, даже безумный психоаналитик. Они не ошиблись в одном – случай поговорить о психоанализе я не упущу! Решение сделать это таким вот образом, зачитав перед вами заранее записанное, продиктовано самой темой. Возможно, подобный формат позволит вам почувствовать кое-что из сути того, о чем я буду говорить. Для начала, я записала и теперь прочту вам первое определение, которое можно дать безумию:

> *ОТКАЗ ОТ ЧТЕНИЯ – не видеть разницы между записанным и сказанным – это безумие.*

Это только подступ к проблеме. Как известно, безумие существовало и до психоанализа. Хотя это проблема довольно молодая. В качестве вопроса о болезни и норме она появилась только вместе с психиатрией в 19 веке, когда Пинель «снял оковы» с умалишенных, отделив их от нищих, проституток и прочего сброда. Кто-то видит в этом снятии порыв к свободе, но если следовать археологике Фуко, отказа от «практики изоляции» так и не произошло. Став болезнью, безумие потеряло статус преступления, но осталось помещенным в оковы больницы. Мы до сих пор живем в это время, где появление и лечение умалишенных определено рамками отношений установленной власти.

Но вернемся, точнее, подступимся к психоанализу. Свою микро-речь о безумии в психоанализе я поделю на две части.

Первая часть. Безумие №1 или безумие Фрейда.

Фрейд думал, что психоанализ безумцев невозможен, так как только в неврозе [1] работает перенос, пружина аналитического лечения. Но не будем слишком торопиться, и начнем с того, что Фрейд совершил первый ход того движения, которое мы продолжаем, поддерживая и развивая аналитический дискурс. Для того, чтобы его совершить, ему тоже надо было слегка свихнуться. Вы знаете... В своих Лекциях по введению в психоанализ, прочитанных сто лет назад, во время 1 мировой войны в 16 году, Фрейд дает следующее определение бессознательного:

> *Бессознательное – это знание, которое не ведает самое себя. Знание, которое себя не ведает...*

Но разве ведаю не Я? Разве не я мыслю? Получается, что во мне, по Фрейду, есть что-то, что мыслит за меня, какой-то гомункул или мистер Хайд. Чушь какая-то. Все это уже довольно-

таки безумно. Но достаточно открыть любую книжку Фрейда, чтобы понять, что место этого знания не укладывается в то, что мы привыкли мыслить как Я, бессознательное требует нового места. И начать стоит с того, что пришло оно извне. Никакого врожденного коллективного бессознательного нет, оно появляется от Другого, из того языка, который пришел извне, который этот Другой с большой буквы и есть.

Фрейду надо было сильно желать истины для того, чтобы сделать свое открытие – только через безумие встречи с собственным желанием он смог стать Фрейдом. До какой степени откровения надо было ему дойти, чтобы, сохранив деликатность и здравомыслие, доказывать свои тезисы на собственных примерах. Сон, острота или ошибка – это осуществление желания. Как вы это поймете?

Один обедневший человек занял у зажиточного знакомого 25 флоринов, уверив его в своем бедственном положении. В тот же день благотворитель застает его в ресторане перед тарелкой семги под майонезом. Он упрекает его: «Как, вы занимаете у меня денег, а потом покупаете себе семгу под майонезом? Для этого вам понадобились мои деньги?» «Я не понимаю, – отвечает обвиняемый, – когда я не имею денег, я не могу кушать семгу под майонезом, когда я имею деньги, я не смею кушать семгу под майонезом. Когда же я, собственно, буду кушать семгу под майонезом?»

Экономика, как показывает Фрейд, – это главный мотив остроумия. Выработка избытка в виде смеха – это результат той работы, которая была проделана в бессознательном по прочтению или записи остроты. Не будь у нас бессознательного, которое работает не покладая рук, мы бы сгорели от перегруза материалом противоречивых желаний, которые умеют удовлетворяться лишь таким хитрым образом, не вполне удовлетворяясь.

> *Безумие – это не уметь читать. Не уметь читать между строк.*

Вот еще одно определение. Между строк – это вам знакомо. Но смеха хватает не всегда, не так ли? Смешить – вот в чем одна из задач бессознательного. Только не подумайте, что этот придворный шут кому-то служит. Особенно сегодня, в день дурака! Удивляет только, что некоторые этого ценного работника не привечают, но гонят взашей. Другие пытаются освободить его из заточения, как будто кто-то заточил бессознательное за решеткой и теперь надо вернуть ему свободу. Автоматическое письмо открывает в этом отношении не больше, чем любое другое дело, которое также можно читать. Действительно, у всего есть смысл, мы не можем этого избежать. Смысл повсеместен. Но если Фрейд открыл этот факт в отношении истеричек, то Лакан сказал похожее по поводу безумца. Бред параноика имеет смысл – можно так переформулировать открытие Фрейда языком Лакана. Что не значит, что надо бредить вместе, когда бредят все.

Вторая часть. Безумие №2 или безумие Лакана.

Молодой Фуко в результате одного из своих юношеских кризисов сошел с ума и попал в госпиталь Святой Анны. Возможно, именно это событие стало тем, что определило его

научный интерес на многие годы вперед, безумие, собственное и других, продолжало его интересовать всегда. Как и Арто, парижанину Фуко посчастливилось попасть в клинику, где работал Лакан, который был психиатром и тоже интересовался безумием.

Итак, если Фрейд открыл свой метод благодаря истеричкам и применял его исключительно к неврозам, Лакан наоборот – защитил диссертацию, описав случай паранойи, и психотическая структура [2] не являлась ограничением в его клинической практике. Стадия зеркала – первое нововведение в аналитическую теорию, которое заключается в том, что механизм нарциссизма, описанный Фрейдом для паранойи и мужского гомосексуализма, ложится в основу формирования Я младенца. Я появляется уже отчужденным, так как приходит извне, из отражения, которое придает целостный образ тому, что существовало до того как хаотичное и разрозненное реальное.

Я – это самое настоящее безумие.

Говоря языком популярной в середине XX века философии, Я появляется уже отчужденным. Тот другой, который смотрит на меня в отражении, мне подчиняется, не есть я, но только так Я получает целостность. Отражение делает то, что я ему велю, и это я. Когда-то я узнала это впервые, когда-то я стала этим, благодаря тому, что родилась в язык и являюсь продуктом этого языка, который подчиняет себе меня и мое тело. Лишь в отражении частичные влечения могут обрести целостностность, целостность Я.

Отчуждение в образе – это то, с чего начинает Лакан. Радикальные формы такого безумия демонстрирует психотический субъект. Задача – отличить это безумие от остроумия бессознательного, о котором мы говорили в связи с Фрейдом. Именно на стыке этих двух измерений – образа и означающего, или Воображаемого и Символического – все и происходит. Происходит пульсация желания – у невротика и у психотика, у всех. Но происходит по-разному, о чем психоаналитики говорят скорее языком психиатрии, чем гуманизма.

Когда я пишу, я иногда представляю, как буду это читать. Это не текст для статьи, что задачу несколько облегчает. Это текст для вас, в котором я отчуждаюсь в силу того, что он мне уже не принадлежит. Но пока я говорю самые обычные вещи, о которых вы, конечно, слышали и читали. Попробую вернуться к разговору об экономике и сказать еще пару слов про отчуждение.

Часть третья. Эндшпиль.

Задание, которое мы сформулировали, было попыткой разместить произведение искусства (труда художника) в экономике, заданной отношениями с Другим. Для этого необходимы деньги, будучи универсальной мерой ценности, они позволяют совершить оценку, невозможную для личного отношения.

В либидинальной экономике происходит что-то похожее: стоит Другому появиться, чего-то от вас захотеть, и все меняется. Продукт желания отчуждается в означающем требования, в

одном из многих, вовсе не уникальном. Потребительская стоимость, как аутоэротическое наслаждение, наоборот не отчуждена. Можно подумать, что если за продукт платят, то это уже не безумие. Но ведь обычно платят как раз за обратное – за безумную по своей сути готовность подчиняться.

На психоанализе все немного иначе: работает бессознательное, платит Я. Субъект платит за то, чтобы отличить одно от другого: и за работой, которую бессознательное совершает уникальным образом, разглядеть желание, которое всегда отчуждено в универсальном.

Я зачитываю это только с одной целью – чтобы подчеркнуть разницу между тем, что я говорю, и тем, что я пишу. Именно в этой разнице возможно отличить акт от содержания. Учиться различать эти уровни.

Я завершаю.

[1-2] Невроз, психоз и перверсия – три структуры, при помощи которых Фрейд описал три базовых механизма функционирования психики человека как три способа обойтись с запретным влечением, исходящим из ОНО, и, соответственно, с угрозой кастрации. В случае невроза на место запрета в результате механизма вытеснения приходит замещающее представление в виде симптома, одновременно удовлетворяющего и не удовлетворяющего влечение. В перверсии таким механизмом будет отрицание, что видно на примере фетишиста, который фиксирован на частичном объекте, таком как туфелька или глянец на носу (см. статью «Фетишизм» 1927), так как отрицает факт кастрации матери. В психозе же факт кастрации отбрасывается, что, по Фрейду, ведет к нарушениям отношений Я с реальностью (см. «Невроз и психоз» 1922). Лакан сохранил эту нозологию – в современной клинике мы продолжаем ориентироваться на три базовых структуры. Но поскольку перверт в кабинете аналитика редкий гость, в своей клинической практике аналитик чаще занят вопросом дифференциации психоза и невроза, методы лечения которых прямо противоположны друг другу.